

Рефлексия собственного отсутствия в мире
лирическими субъектами поздних произведений
Егора Летова

Зинаида Г. Станкович

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, iky-opna@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуется восприятие лирическим субъектом поздних произведений Егора Летова мира, в котором не будет его самого и подобных ему людей. Данная тема соприкасается с темой смерти, отчетливо проявляющей себя во всем творчестве рок-поэта. Выявлено, что свое отсутствие в мире лирический субъект Летова фиксирует, обращаясь к образам природы, остающимся неизменными, к элементам повседневной жизни людей, сохраняющимся без него, к пространству современного поэту художественного творчества. Параллельно представлена саморефлексия лирического субъекта Летова как народного рок-поэта, ценящего живую жизнь и не стремящегося к материальному благополучию. Лирический субъект Летова, размышляя о жизни, которая будет продолжаться после ухода его поколения, осознает, что мир перевернется с ног на голову и станет для него чуждым, неудобным, неприемлемым. Мир ушедшего из жизни человека отделится от большого мира и начнет центростремительное движение, при этом обратный процесс возвращения уже не будет возможен. Важным становится мотив искажения памяти о реальном человеке, что неизбежно произойдет после его ухода из «общего» мира. Сам человек никаким образом не сможет повлиять на свою посмертную судьбу. Однако незадолго до смерти Летов приходит к достаточно оптимистическому выводу о том, что ему все же удалось передать живым неискаженный здоровый элемент своего мировосприятия.

Ключевые слова: русская рок-поэзия, саморефлексия, мифологизация, тема смерти

Для цитирования: Станкович З.Г. Рефлексия собственного отсутствия в мире лирическими субъектами поздних произведений Егора Летова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 9. С. 92–101. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-92-101

The reflection of own absence in the world by lyrical subjects of late works by Egor Letov

Zinaida G. Stankovich

*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia,
uky-onna@yandex.ru*

Abstract. The article is dedicated to the late works of Yegor Letov and explores the lyrical subject's perception of the world in which he himself and people like him will no longer exist. The topic touches on the theme of death which is clearly manifesting itself in all works of the rock poet. It reveals that Letov's lyrical subject fixes his absence in the world turning to images of nature that remain unchanged, to elements of people's everyday life that persist without him and to the space of artistic work the contemporary to the poet. In parallel there is the self-reflection of Letov's lyrical subject as a people's rock poet who values living life and does not aim for pecuniary well-being. The lyrical subject of Letov when thinking about the life that will continue after the passing of his generation realizes that the world will turn upside down and become uncomfortable and unacceptable for him. The world of a deceased person will separate from the big world and begin a centripetal movement while the reverse of return will no longer be possible. An important motive is the distortion of memory about a real person, which will inevitably occur after an individual leaves the general world. Human himself will not be able to influence his posthumous fate. However shortly before his death Letov comes to a rather optimistic conclusion that he managed to transmit to living humans an undistorted healthy element of his world vision.

Keywords: Russian rock-poetry, self-reflection, mythologization, theme of death

For citation: Stankovich, Z.G. (2020), "The reflection of own absence in the world by lyrical subjects of late works by Egor Letov", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural studies" Series*, no. 9, pp. 92–101, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-9-92-101

Одной из главных в творчестве Егора Летова является тема смерти. О ее ключевых характеристиках было написано достаточно много. Так, например, Иеромонах Григорий (В.М. Лурье), рассуждая о сибирском панк-роке и творчестве Летова в частности, утверждает:

...то, что является «жизнью» для «нормальных людей»... это настоящая и наихудшая смерть. Наконец, отсюда же – понимание, что преодолеть ту смерть, которой на самом деле является так называемая жизнь, можно только через смерть [Иеромонах Григорий 2002, с. 72].

Ю. Морева пишет о том, что у Летова «нет внятного объяснения, кто такие мертвые, а кто такие живые», и часто «физическая смерть – это вовсе не смерть» [Морева 2014]. По мнению исследовательницы, для Летова смертью является переход через границу между двумя мирами.

В данной статье хотелось бы обратиться к трем произведениям, созданным Летовым в последний период творчества, с 2002 по 2007 г.: «Без меня», «После нас», «Все, что мне удалось передать по наследству...». Как видно уже из названий текстов, автор в них осмысливает мир после исчезновения из него себя и себе подобных. А.С. Новицкая полагает, что на данном этапе творчества «поэта больше не интересуют проблемы реальности, он занят анализом собственного ощущения действительности, созерцает свое восприятие мира» [Новицкая 2013, с. 178–179]. Такая мировоззренческая установка могла подтолкнуть Летова к рефлексии собственного отсутствия в мире и определению своей роли в жизни людей.

В песне «Без меня» (2002 г.), стоящей по хронологии первой, автор приводит целый ряд предметов и явлений, которые сохранятся в мире после исчезновения лирического субъекта. Все они могут быть разделены на группы по нескольким основаниям.

Во-первых, что вполне закономерно, без лирического субъекта будет существовать мир природы: «на рассвете без меня», «без меня – апрель, без меня – январь / без меня – капель»¹ (с. 479) и так далее. Может возникнуть вопрос, почему из всех месяцев года Летоным были выбраны именно эти два. Объяснить это можно следующим образом: январь – месяц, который в европейском календаре традиционно начинает год, а апрель – время, когда на большей части территории России начинается весна и пробуждается жизнь природы. Подобное настроение можно увидеть и в песне В. Цоя «Апрель»: «А он придет и приведет за собой весну и рассеет серых туч войска»². В определенной степени этот месяц может быть соотнесен еще и с христианским мотивом воскрешения, ведь чаще всего праздник Пасхи выпадает именно на апрель.

Интересный диапазон привлечения образов мира природы встречается ближе к концу песни: «Без меня – сирень, без меня – герань» (с. 479). Почему соседствующими оказываются именно эти два цветущих растения, и требуется подчеркнуть, что и то и другое продолжит свое существование, когда лирического героя больше

¹ *Летов Е.* Стихи. М.: ООО «Выргород», 2018. 548 с. (Здесь и далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках.)

² *Цой В.Р.* Группа крови. М.: Эксмо, 2008. С. 281.

здесь не будет? Представляется возможным разграничить «область произрастания» этих цветов: сирень растет на улице, тогда как герань традиционно воспринимается как цветок домашний. Во втором случае природа уже становится составной частью повседневного мира людей, в котором героя тоже не будет.

Люди станут вести свою обычную жизнь, хотя лирический субъект их покинет: «Без меня – за дверь, без меня – домой» (с. 479). Его нет не только в пространстве улицы (сирень) и пространстве дома (герань), но также и в пространстве искусства, которое тоже является неотъемлемой характеристикой жизни человеческого общества («на кассете без меня») (с. 479). Лирический субъект тем самым рефлексивует отсутствие себя как творческой личности. Летов подчеркивает, что лирический субъект не просто абстрактный творец, а рок-поэт, на что указывает слово «кассета». Процесс формирования культуры русского рока будет идти дальше, однако без участия лирического субъекта, а значит, станет иным. Песня написана в самом начале двухтысячных годов, когда в достаточно широком обороте уже существовали компакт-диски, но Летов все же выбирает сочетание «на кассете». Думается, такой носитель музыкальной информации выбран автором не только из-за рифмы к словам «на рассвете». Кассету было легче, чем компакт-диск, скопировать или записать с радио, поэтому этот способ передачи информации делал ее более доступной, в каком-то смысле даже народной, ведь и стоили кассеты недорого. Возможно, лирический субъект представляет здесь себя как рок-поэта, не ищущего выгоды, не заботящегося о прибыли от продаж своих альбомов.

Все предметы и явления, остающиеся в мире при отсутствии лирического субъекта, не обозначены Летовым как принадлежащие кому-либо. Неожиданное исключение представляет собой тень: «Без меня – моя тень, без меня – поздравления оттуда сюда» (с. 479). По своей сути тень – это нечто, частично напоминающее тот или иной предмет, но при этом им не являющееся, как бы определенный знак чего-то или напоминание о чем-то.

Вероятно, Егора Летова в достаточно большой степени волновал вопрос о посмертной судьбе его творчества и его образа. Так, в тексте песни «Когда я умер» (1989 г.) лирический субъект размышляет о ситуации после своей будущей смерти, когда произойдет мифологизация и сакрализация окружающими представлений о нем, процесс, неизменно влекущий за собой искажение образа реального человека и поэта. Перед этой посмертной «перспективой» герой чувствует себя беспомощным. Люди превратят его в источник дохода, объект развлечения и будут

пользоваться его наследием, искажая и извращая его объективные смыслы³.

В этой связи тень в тексте песни «Без меня» можно расценивать как своеобразную память о личности или восприятие ее живущими людьми, потомками. И опять-таки это понимание лирического субъекта другими людьми будет сильно отличаться от того впечатления, которое человек хотел бы сам оставить о себе.

Летов дает и определенное объяснение источнику и причинам такого искажения. Он показывает, куда исчезает лирический субъект из привычного нам мира. В какой-то момент для него происходит разделение мира на большой, общий, и малый, его собственный. Мир героя как бы откалывается от общего и начинает центробежное движение. В припеве рок-поэт сообщает: «И убегает мой мир / Убегает земля / Бежит далеко-далеко / Куда-то далеко-далеко...» (с. 479). При этом словосочетание «куда-то далеко-далеко» при повторе меняется сначала на «без оглядки далеко-далеко», а затем на «отсюда далеко-далеко», а в самом конце на «навек далеко-далеко». Здесь мы можем увидеть своеобразное проявление некоторой градации «далеко», которая служит для того, чтобы подчеркнуть – возвращения уже не будет.

Песня заканчивается словами: «И убегает весь мир... И убегает мой мир». Здесь уже оба мира стремительно движутся друг от друга. Эта ситуация не воспринимается лирическим субъектом как нечто трагическое. Даже с точки зрения исполнения песня не звучит в минорном ключе.

Летов продолжает размышлять о ситуации отсутствия героя в мире в песне «После нас» (2003 г.). Название произведения конкретизирует ситуацию, заостряя внимание на завершении некоего временного промежутка и косвенно указывая на факт смерти, однако в данном случае фиксируется уже отсутствие не индивидуального, а коллективного субъекта, возможно, поколения или группы людей, объединенных общей тональностью взгляда на жизнь.

Песня начинается строками «Будет теплое пальто / Будет всякое не то / Камышовый порхающий мех / Голубые города / Воронья борода / Отдаленный мерцающий бог / Будут пыльные глаза / И цветные голоса...» (с. 499). Сразу констатируется, что мир без коллективного субъекта изменится в неправильную сторону: «будет всякое не то». Как бы в доказательство этого, Летов приводит два словосочетания с «нелогичными» эпитетами: пыльные глаза и цветные голоса. Чуть ниже мы встречаем «чудотворный спасительный зной» и «весенний несбыточный сад». Такие оксюморонные

³ См. подробнее об этом: [Станкович 2019].

образы являются достаточно типичными для его творчества, но в данном случае они полностью логически обоснованы.

Во втором куплете можно отыскать еще одно необычное сочетание, но другого рода: «Сказки песни о котях / Ведмедях и кабанах» (с. 499). Особое внимание обращает на себя слово «ведмедь». По ритмике стиха можно было бы с легкостью написать «медведях», но Летов от этого отказывается. Возможно, используя метатезу, Летов указывает на то, что мир без нас кардинально изменится, встанет с ног на голову. В энциклопедии «Мифы народов мира» приводится представление народов Океании, Сибири и североамериканских индейцев о физическом противопоставлении мира живых и «того света»: «когда на земле день, в Загробном мире – ночь, у живых – лето, у мертвых – зима, умершие ходят вверх ногами, одежду носят наизнанку, их пища – яд для живых и т. п.»⁴. Творчество Летова изобилует отсылками к фольклору и народным верованиям, поэтому, думается, с таким восприятием мира мертвых рок-поэт мог быть знаком. Однако в песне «После нас» все несколько иначе: привычные медведи станут ведмедями, произойдет переворачивание реалий нашего мира после того, как мы его покинем. Он станет для нас чужим. Следовательно, сейчас коллективный субъект, частью которого мы являемся, сам организует правильность этого мира, пока находится в нем. После нас эта правильность рухнет. Используя слова из другой летовской песни, можно сказать, что тогда с нашей позиции станет уже «все совсем не то» (с. 260).

Можно ли в некоторой степени конкретизировать это абстрактное «не то»? В этом нам может помочь романтический образ голубых городов. «Голубые города» – название советской песни в исполнении Э. Хилы, в которой повествование ведется от имени молодых строителей светлого будущего: «Мы на край земли придем / Мы зложим первый дом / И табличку прибьем на сосне»⁵. Эта светлая вера в гармоничное завтра, в котором человеку под силу создать все, что задумано, резко контрастирует с мировоззрением Е. Летова. Наконец, и Бог по отношению к миру «после нас» выступает как отдаленный и мерцающий, то есть далекий от людей и проявляющий себя лишь иногда: не дающий людям свет, а лишь

⁴ *Петрухин В.Я.* Загробный мир // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991. Т. 1. А–К. С. 453.

⁵ *Куклин Л.* Голубые города [Электронный ресурс] // Muzmixs территория творческого настроения. [2014]. URL: https://muzmix.com/catalog/g_rus/442/15494 (дата обращения 12 августа 2020).

мерцание. Первый куплет заканчивается упоминанием о том, что после героев останется большой восклицательный знак. Обычно в речи встречается сочетание «большой вопросительный знак» как указание на неизвестность. Здесь же Летов заявляет о том, что все, что будет после нас, ему уже известно. Мир этот станет для нас чуждым и как бы неправильным.

Припев открывается словами «всех нас поймали на волшебный крючок» (с. 499), т. е. наша судьба уже предопределена, и вряд ли кто-то сможет что-то изменить. Здесь же кратко суммируются изменения, которые произойдут после нас: «И лишь оскаленное время после нас / после нас» (первый припев), «И лишь отравленные тени после нас / после нас» (с. 499). В представлении Блаженного Августина, время – категория, присущая мироощущению человека, но не Бога, который пребывает в вечности. Средневековый философ, обращаясь к Богу, размышляет:

Ты не во времени был раньше времен, иначе Ты не был бы раньше времен. Ты был раньше всего прошлого на высотах всегда пребывающей вечности, и Ты возвышаешься над будущим... [Августин 1991, с. 291].

О людях же Августин говорит следующее:

И однако, Господи, мы понимаем, что такое промежутки времени, сравниваем их между собой и говорим, что одни длиннее, а другие короче [Августин 1991, с. 295].

Таким образом, время – характеристика жизни и мира человека. Если принимать во внимание такую точку зрения, становится понятным, почему время остается после нас, а не уходит с нами. В песне «Без меня» не случайно возникает образ календаря как «фиксатора» времени: «без меня – отрывной календарь на стене» (с. 479). Оскаленное время и отравленные тени в «После нас» опять-таки могут быть соотнесены с проблемой памяти о человеке или людях после смерти. Время неизбежно пожрет что-то, казавшееся людям важным в отношении самих себя. Отравленные тени, как искаженная общественная память, сотворят из личностей и поколения некий образ, далекий от их реальной жизни.

В текстах песен «Без меня» и «После нас» Летов показывает негативную сторону времени и памяти об ушедших. Тем не менее не всегда результат ухода людей из нашего мира мыслился им в таком ключе. В одном из самых последних своих произведений, стихотворении «Все что мне удалось передать по наследству...» (2007 г.),

автор показывает читателям иную картину. Вполне очевидно, что в этом маленьком тексте Летов подводит итог своего жизненного и творческого пути, подвергая его саморефлексии. Имеет смысл привести здесь стихотворение полностью:

Все что мне удалось передать по наследству –
То не святость, не букость,
То здоровая дурость,
Уверенность
 в том, что запросто можно
 исчерпать океаны бессилия,
Да не просто ладонью,
А своей собственной (с. 532).

Автор, что вполне закономерно для современной литературы, отказывается воспринимать свое творчество как нечто божественное или священное. Абстрактное существительное «букость», думается, может восходить к слову «бука» – по первому значению фантастическое существо, которым пугают детей, а по второму – нелюдимый, угрюмый человек. Таким образом, букость может быть воспринята как умение быть страшным или неприветливость, замкнутость. Многие иностранцы указывают на депрессивный характер классической русской литературы, и, возможно, именно это Летов мог подразумевать под букостью.

Намного важнее другое. Летов говорит о том, что лирическому субъекту все же удалось что-то передать по наследству, то есть люди, живущие после, получили от него нечто неискаженным, таким, каким он хотел бы это оставить, и оскаленное время не уничтожит хотя бы такой важный элемент памяти о нем. Автор называет это отношение к жизни «здоровой дуростью». В толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой слово «дурость» объясняется как «глупость, причуда»⁶. Летовская «здоровая дурость» по описанию свойств больше всего похожа на оптимизм: «уверенность / в том, что запросто можно / исчерпать океаны бессилия / Да не просто ладонью / А своей собственной» (с. 532). Сторонними наблюдателями такое ощущение мира может восприниматься как причуда, но при этом она здоровая, то есть нужная, позволяющая видеть мир не абсолютно трагичным, как предполагала бы, например, отгораживающая от мира и других людей букость.

⁶ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. С. 183.

Рефлексируя об отсутствии себя и подобных себе в этом мире, Летов приходит к выводам о том, что, во-первых, природа и мир человека продолжают жить после того, как конкретный поэт или целое поколение «единоверцев» покинет этот мир. Параллельно он дает оценку своему лирическому «я» как рок-поэту, человеку творческому. Во-вторых, по Летову, мы сами формируем время, в котором живем. Наш мир, когда мы уходим, отделяется от мира большого и безвозвратно убегает в некое далеко. Эпоха после нашей жизни – это уже не наш мир. Она была бы для нас неправильной, чужой и неудобной. В-третьих, образ ушедшего человека превращается в тень, то есть искажается под влиянием времени, этот процесс неизбежен. Однако в одном из самых поздних произведений Летов обращает внимание на то, что человек все же оказывается способен передать потомкам некую часть своего мироощущения, а значит, жизнь все же оказывается прожитой не зря.

Литература

- Августин 1991 – *Августин А.* Исповедь. М.: «Ренессанс», СПИВО – Сид, 1991. 488 с.
- Иеромонах Григорий 2002 – *Иеромонах Григорий (Лурье В.М.)* Смерть и самоубийство как фундаментальные концепции русской рок-культуры // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. трудов. 2002. Вып. 6. С. 57–88.
- Морева 2014 – *Морева Ю.* Смерть как граница в творчестве Егора Летова [Электронный ресурс] // Летовский семинар. Творчество Егора Летова и русская рок-культура. [2014]. URL: <http://letov.org/seminar2> (дата обращения 12 августа 2020).
- Новицкая 2013 – *Новицкая А.С.* Основные этапы творчества Егора Летова // Русская рок-поэзия: Текст и контекст: Сб. науч. трудов. 2013. Вып. 14. С. 172–180.
- Станкович 2019 – *Станкович З.Г.* Рефлексия собственной жизни и смерти в текстах произведений Егора Летова // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. трудов. 2019. Вып. 19. С. 182–187.

References

- Augustinus, A. (1991), *Ispoved'* [Confessions], Rennsans, SPIVO, Moscow, Russia.
- Ieromonakh Grigorii (Lur'e, V.M.) (2002), "Death and suicide as fundamental conceptions of Russian rock-culture", *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst. Sbornik nauchnykh trudov*, iss. 6, pp. 57-88.
- Moreva, Yu. (2014), "Death as a border in creative works of Yegor Letov", [Online] *Letovskii seminar. Tvorchestvo Egora Letova i russkaya rok-kul'tura*, The Letov semi-

nar. Egor Letov's creative work and Russian rock culture; available at: <http://letov.org/seminar2> (Accessed 12 August 2020).

Novitskaya, A.S. (2013), "The main stages of Yegor Letov's creative work", *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*. [Russian Rock Poetry. Text and Context] *Sbornik nauchnykh trudov*, iss. 14, pp. 172–180.

Stankovich, Z.G. (2019), "Reflection of the own life and death in the works texts of Yegor Letov ", *Russkaya rok-poeziya: tekst i kontekst*. [Russian Rock Poetry. Text and Context] *Sbornik nauchnykh trudov*, iss. 19, pp. 182–187.

Информация об авторе

Зинаида Г. Станкович, кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, Казань, ул. Кремлёвская, д. 18; uky-onna@yandex.ru

Information about the author

Zinaida G. Stankovich, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia: bld. 18, Kremlevskaya Street, Kazan, Russia, 420008; uky-onna@yandex.ru